

в тумане идеалистических абстракций. Поэтому мы намеренно обратили внимание на основные теоретические пороки книги, которые являются определяющими в оценке исследования, и сознательно отказались от мало благодарной задачи скрупулезного выделения отдельных здравых мыслей в разбираемой работе.

Книга В. Проппа выглядит не как советская, а как иностранная книга. И если задаться вопросом, каковы ее идейные истоки, то мы получим ясный и недвусмысленный ответ — глетворное влияние упадочной науки буржуазного Запада. В работе отчетливо выступает эклектичное смешение положений финской школы буржуазной фольклористики с теориями французской идеалистической школы — Леви-Брюля, Дюргейма, Сентива и других. Все это соединяется с вульгарным механистическим, антигисторическим социологизированием. И те похвальные намерения, которые прокламировал проф. В. Я. Пропп в своем предисловии к книге, оказались невыполненными. Фольклор в книге В. Я. Проппа потерял свое общественное и национальное значение. Фактически получилось, что книга В. Я. Проппа есть попытка сокрушения и развенчания русской волшебной сказки.

Неудача исследования В. Проппа очень поучительна. Прежде всего она наглядно показывает невозможность успешного решения вопросов, когда исследователь исходит из заведомо порочных теоретических основ. Но одновременно эта неудача говорит и о другом, может быть, не менее важном. Книга несет на себе марку Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Проф. В. Я. Пропп в предисловии к книге ссылается на теоретическую поддержку ряда ленинградских ученых. Спрашивается, почему же никто из филологов ленинградского университета, никто из ленинградских фольклористов, наконец, никто из ленинградских этнографов не выступил до сих пор с серьезной, принципиальной, большевистской партийной критикой этого труда? Казалось бы кому-кому, а ленинградским ученым следовало бы в первую очередь выступить с критикой работ своего коллеги, ибо В. Я. Пропп на протяжении более чем двух десятилетий упорно и настойчиво проводит свои явно ошибочные взгляды. Своевременная принципиальная критика несомненно помогла бы исследователю избежать серьезных ошибок. Объективно же получилось так, что ленинградские филологи стали на путь замазывания, замалчивания ошибок В. Я. Проппа, что привело к плачевным результатам. Такая же «критика», какая, например, дана в статье В. М. Жирмунского («Советская книга», 1947, № 5), не только не помогает, а, пожалуй, может вредить исследователю, так как не вскрывает основных пороков его работы.

Советская наука — самая передовая в мире, она черпает силу в борьбе со всем реакционным и устаревшим, она не терпит никаких компромиссов с какими бы то ни было отсталыми теориями. Всегда помнить об этом, применять это в своей научной деятельности — обязательно для каждого советского ученого.

М. Кузнецов и И. Дмитраков

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР, Материалы и исследования по археологии СССР, № 6. Этногенез восточных славян, т. I, под ред. проф. М. И. Артамонова, М.—Л., 1941.

Вопросы славянского этногенеза вообще и происхождения восточных славян в особенности, издавна занимали русских ученых. Однако в последние полтора-два десятилетия они приобрели особую научную актуальность и политическую остроту. Это связано, прежде всего, с укреплением Советского Союза, с его все возрастающей ролью как мирового центра прогрессивных сил человечества и с все более крепящимися связями славянских народов между собой. Теория автохтонного происхождения восточных славян на востоке Европы в результате скрещения различных этнических элементов противопоставляется советскими учеными человеконенавистнической расовой теории, с особенным рвением развивавшейся немецкими идеологами фашизма и не утратившей в какой-то мере и сейчас популярности среди реакционных идеологов империалистических стран.

Советская археология сделала для изучения вопросов славянского этногенеза очень много. Некоторые итоги произведенных работ изложены в рецензируемом сборнике, сигнальный экземпляр которого вышел в дни Великой отечественной войны в осажденном врагами Ленинграде. Сборник имеет своей задачей «опубликование и исследование в связи с проблемой происхождения восточных славян накопленных научных археологических материалов — этих наиболее беспристрастных и объективных свидетельств далекого прошлого, до сих пор вследствие разных причин не пользовавшихся в кругу историков признанием в качестве полноценного исторического источника» (стр. 7).

Ведущей работой, открывающей сборник, является статья П. Н. Третьякова «Северные восточнославянские племена», в которой на основе предыдущих исследований и материалов, добытых автором, дана яркая картина образования славянских

племен на востоке и северо-востоке Европы в первом тысячелетии нашей эры. Первый раздел работы посвящен рассмотрению этнического состава Восточной Европы в начале нашей эры. Анализируя материал среднеднепровских полей погребений (отправляясь в основном от исследований В. В. Хвойки), автор приходит к выводу, что факт наличия огромных полей погребений, служивших кладбищами в течение столетий, говорит об отсутствии значительных передвижений населения, а инвентарь этих памятников указывает на мирный земледельческий быт жителей. «Огромный этнический массив, занимавший среднее Поднепровье в начале и середине I тысячелетия нашей эры, сложившийся в предыдущие столетия из многочисленных скифских земледельческих племен и их ближайших соседей,— пишет П. Н. Третьяков,— проблематично можно рассматривать, как массив древнеславянский» (стр. 11). Рассматривая районы, лежащие к северу и северо-востоку от днепровских полей погребений, автор дает сводку исследований В. А. Городцова, А. А. Спицына, В. И. Сизова, А. С. Уварова, Н. И. Булычева и др., подробно описывает материал, добытый раскопками в этих районах, выделяет и наносит на карту ряд локальных культур (стр. 13). Здесь рассматриваются городища дьякова типа, древнейшие из которых датируются рубежом II и I тысячелетий до н. э., позднейшие на Оке — III—IV вв. н. э., в Верхнем Поволжье — IV—VI вв., а верховьях Оки и Днепра — VII—VIII и даже IX и X вв. н. э. Автор отмечает территориальную неоднородность этой культуры, выделяя верхнеокскую, волго-окскую, верхневолжскую и валдайскую группы городищ. Он характеризует и наносит на карту также особую группу городищ верхнего Поднепровья, связанных с небольшими полями погребений, и группу городищ в северной Белоруссии (типа Банцеровского), отличающихся более отсталой культурой. Далее П. Н. Третьяков описывает культуру дьяковских городищ. Однородной эта культура стала не сразу. Характерная для городищ дьякова типа культура сетчатой керамики сформировалась лишь в последнее столетие до н. э. Дьяковское городище в эпоху расцвета этой культуры представляло собой «патриархальное гнездо» — поселение патриархального рода.

В качестве яркого примера такого поселка П. Н. Третьяков приводит раскопанное и реконструированное им городище Березняки III—V вв. н. э. На площадке в 2000 м², отделенной от плато ровом и оградой из бревен, плетня и земли, находились: загон для скота и II постройка — общественное здание, вокруг него 6 жилых помещений (небольших прямоугольных строений с очагом у задней стены), амбар для хранения запасов, кузница, постройка для ткачества и шитья и, наконец, домик мертвых, где хранились останки покойников, сожженных где-то за пределами поселка. Все постройки были наземного типа, что характерно для района Верхней Волги, в то время как на городищах волго-окского района основным типом постройки является прямоугольная, а в верховьях Оки — круглая, землянка. В результате рассмотрения материала днепровских полей погребения, дьяковских городищ и средневолжских городищ с рогожной керамикой автор приходит к выводу, что северные племенные группы в начале нашей эры составляли четыре основных массива — днепровский, верхневолжский или северный, средневолжский и особый массив по Западной Двине и Неману. Эти массивы не были четко разграничены — между культурами, отмечаемыми здесь, много сходства. Все они имеют глубокие местные корни, уходящие по крайней мере в эпоху бронзы. Племенные группы начала нашей эры «являлись предками северных, славянских, финских и летто-литовских племен. Это,— пишет П. Н. Третьяков,— те самые «северные сарматы», о существовании и относительной однородности которых на широких пространствах лесного севера говорил Н. Я. Марр» (стр. 22).

Второй раздел работы П. Н. Третьякова посвящен вопросам этногонии северных славянских племен. Здесь автор ставит себе задачу доказать автохтонность исторического процесса в I тысячелетии н. э. на всей территории верхнеднепровского и волго-окского бассейнов и составить новую этническую карту, характеризующую состав населения этих районов в середине I тысячелетия н. э. Отправной точкой является доказанная предыдущими исследователями принадлежность нижних и верхних слоев дьяковской культуры одному и тому же населению, жившему здесь в течение столетий. Переходя затем к анализу более поздних погребений, автор устанавливает, что в рассматриваемый период выделяются памятники, характерные для летто-литовских, финских и славянских племен. Убедительно связывая курганы с трупосожжениями с домиками мертвых дьяковских городищ, он отмечает, что характерные славянские курганные горшки появляются на Оке, в верхнем Поволжье и северной Белоруссии уже со II—III в. н. э. При определении этого типа керамики особенно важен состав глины (примесь крупных зерен кварца) и обжиг сосудов («ззонкий»). На городищах этого времени встречается также лошаня керамика, указывающая на связи этих племен с южными славянами. О консолидации восточного славянства говорит и распространение по всей изучаемой территории бронзовых инкрустированных красной и зеленой эмалью вещей так называемого геометрического стиля. Общественный уклад северо-восточных славянских племен с III—IV вв. н. э. характеризуется распадом патриархально-родовых отношений и выделением отдельных семей. На это указывает увеличение размера поселков, причем теперь они уже не располагаются, как ранее, гнездами, а также смена обычая хоронить мертвых в домиках на городищах курганным обрядом погребения. П. Н. Третьяков считает, что анализ археологических памятников

позволяет установить для этого периода и областное разделение труда — в западном Поволжье развивается скотоводство, как думает автор, — под влиянием населения южнорусских степей, на севере же, в верхнем Поднепровье — земледелие. Передвижения восточнославянских племен во второй половине I тысячелетия нашей эры, как указывает ряд памятников (городища ровенского типа, некоторые категории погребений), имели место, но не в направлении с юга на север, как утверждали и А. А. Шахматов и другие индо-европеисты, а с севера на юг (в частности из Приильменья на Поволжье). Ведущую роль в этом процессе, по мнению П. Н. Третьякова, играло развитие земледелия. Известия «Повести временных лет» о расселении славянских племен получают в археологическом материале полное подтверждение.

Заключительный раздел работы П. Н. Третьякова (Северные восточнославянские племена во второй половине I тысячелетия) посвящен в основном материалам славянских курганов. Подвергая критике работу А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» и составленную Спицыным карту, П. Н. Третьяков остается в основном на тех же позициях, которые он защищал еще в 1936 г. в дискуссии с А. В. Арциховским на страницах «Советской археологии» (т. IV), хотя ряд положений высказан здесь уже в смягченной формулировке. Славянские племена, упоминаемые в «Повести временных лет», автор вполне справедливо рассматривает как обширные племенные союзы. Но расселение, указанное летописцем, должно было, по мнению автора, соответствовать фактическому размещению племен в VI—VIII вв., в последующие же периоды, к которым относятся позднейшие курганы (X—XIV вв.), намеченная А. А. Спицыным, принятая и уточненная большинством археологов карта расселения племен должна была сильно измениться. Это положение П. Н. Третьякова, отрицающего возможность очерчивания территории племен «Повести временных лет» по материалам археологических памятников X—XIV вв., в частности по погребальным инвентарям, большим археологов не разделяется. Этнографам хорошо известно, как долго удерживаются архаические черты в одежде и обряде погребения. Женские украшения, особые для каждого из племен, находимые в позднейших курганах, являются чрезвычайно устойчивым этнографическим признаком, который археологи вполне справедливо связывают с племенами «Повести временных лет» и с занимавшей этими племенами территорией.

Памятники VI—VIII вв. доказывают существование неизменных в течение столетий локальных образований, очерчивают границы племен и допускают возможность присвоения этим племенам имен, указанных в «Повести временных лет». Наиболее северное из таких образований обрисовывается так называемыми «сопками». Позднее название этого племени — славяне новгородские. Южнее и западнее этого района, на верхнем течении Днепра, Западная Двина и Волги лежит область распространения так называемых «длинных курганов» — область кривичей. В более позднее время здесь появляются индивидуальные курганы с трупосожжениями, генетически связанные с длинными курганами. Анализируя инвентарь длинных курганов, П. Н. Третьяков отмечает, между прочим, височные украшения в виде дужки с пластинкой внизу и трапециевидными подвесками. Эти украшения являются, по его мнению, предшественниками позднейших вятичских семилопастных и радимичских семилучевых височных колец. Гипотеза эта весьма ценна, так как до настоящего времени вопрос о происхождении обоих указанных типов височных колец не может считаться удовлетворительно решенным. Наиболее плодотворной была гипотеза В. И. Сизова, считавшего, что эти украшения арабского происхождения.

Западнее, севернее и восточнее области длинных курганов и сопкок распространены финские каменные могильники, сменившиеся почти повсюду в VII—VIII вв. могильниками так называемого люцинского типа. Распространение впоследствии (IX—X вв.) сопкок по рекам Мологе и Шексне указывает на направление славянской колонизации Ярославского Поволжья. Финское население господствовало, таким образом, в этом районе до VIII в., а в IX—X вв. имела место колонизация Ярославского Поволжья с севера (словене) и с запада (кривичи).

В верхнем течении Оки в V—VI вв. существовали курганы с трупосожжениями, связанные с городищами Мощинского типа. В этих курганах Н. И. Бульчовым были прослежены деревянные срубы или ящики, иногда — деревянная ограда у основания. В курганах, раскопанных Бульчовым у деревень Шаньково и Почепок, отмечена характерная кольцевая канавка. П. Н. Третьяков доказывает близость этих курганов к Боршевским курганам IX—X вв. и определяет их как погребальные сооружения славян-вятичей. «Нет данных, — пишет он, — что они доходили до устья Москвы-реки, и нельзя распространять территорию вятичей на район Москвы, как это делает А. В. Арциховский» (стр. 48). Но в 1946 г. под Москвой у села Беседы на берегу Москвы-реки А. В. Арциховским раскопан курган того же типа, что курганы у деревень Шаньково и Почепок. Территория вятичей в рассматриваемый период захватывала, таким образом, и район современной Москвы.

Работа П. Н. Третьякова, представляющая большой вклад в изучение этногенеза славян, как бы обобщает все последующие статьи сборника. За ней следует статья Я. В. Станкевич «К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетиях». Здесь детально разработан вопрос о колонизации Поволжья, затронутый и П. Н. Третьяковым. Вопрос этот долго был предметом ожесто-

ченных споров между норманистами (Арне, Тихомиров, Кивикоски) и антинорманистами (А. А. Спицын и др.). Как справедливо указывает автор, основной материал для решения вопроса дают курганные могильники. Но в Суздальской области курганы почти сплошь уничтожены в результате варварских «раскопок» графа Уварова, и только в современной Ивановской области, на окраинах мерянской земли есть еще материал для исследования. В своих дальнейших положениях автор отправляется от исследования находящихся неподалеку от Ярославля Тимеревского и Михайловского могильников. Он дает подробную характеристику обряда погребения и найденных в могильниках вещей и устанавливает, что наиболее ранние погребения, встречающиеся в могильниках, по обряду захоронения, керамике и другим вещам могут быть датированы VIII—IX вв. и определены как славянские новгородские. Находимые в них восточные предметы (например, кувшин с лощением болгарского типа) говорят о торговых связях с Востоком, более ранних, чем с Западом. В IX—X вв. среди славянских курганов появляются отдельные скандинавские захоронения, но никаких данных о сколько-нибудь мощной струе скандинавской колонизации, о которой говорили норманисты, археологический материал не содержит. В XI—XII вв. в инвентаре могильников ярче выступают элементы мерянские. Последнее явление недостаточно объяснено автором. Ведь если меря была коренным населением края, а славяне колонизировали его лишь в VIII—IX и даже X вв. (как о том говорится в статье П. Н. Третьякова, с выводами которого В. Я. Станкевич как будто соглашается), то мерянский материал должен предшествовать славянскому. Усиление мерянских элементов в инвентаре могильников в XI—XII вв., т. е. как раз в период, предшествовавший перенесению во Владимир столицы русских княжеств, требует дополнительных пояснений. Перед нами памятники, оставленные как раз славянскими колониями. Славяне, стало быть, долго жили в мерянской земле, не смешиваясь с коренным населением и лишь в XI—XII вв. стали допускаться смешанные браки. Весьма удачной нужно признать публикацию автором в виде приложения к статье дневников раскопок.

Краткая заметка П. А. Сухова «Славянское городище IX—X ст. в южном Белозерье» содержит описание разведок (в том числе и произведенных лично автором) в районе Белого озера. Этот район, в котором «Повесть временных лет» помещает одно из древнейших государственных образований на Руси — княжество Синеуса — вызывает у археологов вполне естественный интерес. Разведки на городище у села Крохино (древнее Белоозеро) обнаружили культурный слой IX—X вв. со славянской керамикой. Аналогичный слой прослежен и на другом городище в том же районе, на южном берегу Белого озера. Это обстоятельство наряду с отсутствием в исследуемом районе сопок (так называемый «Синеусов курган», по мнению автора, вообще не является погребением) приводит П. А. Сухова к заключению о колонизации района Белоозера славянами в IX—X вв.

Чрезвычайно ценна составленная и опубликованная в рецензируемом сборнике Н. Н. Черныгиным археологическая карта длинных курганов и сопок. Карте предпослано введение, в котором дается описание устройства, области распространения и характеристика инвентаря сопок и длинных курганов, а также сводка мнений различных авторов об этих памятниках. В упрек автору можно поставить то обстоятельство, что его основной вывод о принадлежности длинных курганов кривичам VI—X вв., а сопок — новгородским словенам, вывод, с которым можно безоговорочно согласиться, не вытекает, однако, логически из предыдущего изложения, содержащего различные взгляды на этот вопрос. После введения помещены материалы к карте — сведения о памятниках, сгруппированные по бассейнам рек и содержащие также описание раскопок и находок. Для удобства пользования к работе приложен алфавитный перечень пунктов, в которых находятся длинные курганы и сопки, и список использованных автором печатных и архивных материалов. Сама карта составлена чрезвычайно добросовестно. Она дает яркую картину расселения словен и кривичей. Как пишет сам автор, «настоящая карта, конечно, не является исчерпывающей... Тем не менее, данная в карте схема распространения сопок и длинных курганов может быть принята за основу, которая вряд ли подвергнется существенным изменениям» (стр. 94). К карте приложено 14 таблиц, содержащих рисунки вещей из длинных курганов и сопок, а также чертежи, иллюстрирующие устройство самих погребальных сооружений. При этом многие вещи опубликованы впервые.

Особый интерес представляет работа Н. Н. Ворониной «Медвежий культ в верхнем Поволжье». «Изучение этой темы, — пишет автор, — не только раскрывает перед нами органические связи дофеодалных и феодальных судеб верхнего Поволжья, но позволяет ближе и конкретнее подойти к вопросу об этногонии племен восточного славянства, яснее и отчетливее увидеть автохтонность этого процесса» (стр. 149). Отправляясь от летописных известий о восстаниях смердов в Поволжье в 1024 и 1074 гг. и сказания о построении Ярославля, Н. Н. Воронин производит подробный анализ письменных, археологических, этнографических и фольклорных материалов о медвежьем культе и приходит к заключению, что медвежий культ существовал у народов Поволжья, начиная с бронзового века. Находки зубов и когтей медведя в фатьяновских могильниках и находки сделанных из глины медвежьих лап, а также когтей и зубов медведя в славянских курганах северо-западных областей и в погреб-

бения финских и скандинавских говорят о том, что культ медведя был распространен у тех племен, из которых впоследствии сформировались славяне. Культ этот в различной степени яркости и полноты (в зависимости от степени разложения родского строя) переживает до XI в. и позже как древнейшее наследие в идеологии народов Поволжья и Севера, «свидетельствуя об их формировании на базе сложных местных процессов скрещения» (стр. 179). Пережитки этого культа автор видит и в гербе города Ярославля, который еще в XVII, XVIII вв. содержал изображение медведя, сочетавшееся с изображением трезубца Рюриковичей. Н. Н. Воронин подробно останавливается на характеристике медвежьего культа на Поволжье в XI в., доказывая наличие здесь в этот период медвежьих праздников и т. п. Приводя этнографические аналогии, автор особо отмечает табу, накладываемое многими народами на название медведя, которое заменяется различными иносказательными выражениями вроде: «хозяин», «вуйко» («дядя») и т. п. Здесь можно добавить, что само русское слово «медведь» очевидно, результат такого табу. Это — иносказательное наименование зверя, произведенное от слов «мёд» и «ведать» (иногда слова эти переставляются — «ведмедь»). Из всех зверей один только медведь носит столь легко выводимое из современного русского языка имя. Можно думать, что это объясняется табу, наложенным на древнее, не дошедшее до нас имя зверя. В заключение Н. Н. Воронин приводит специальный экскурс о роли волхвов-скоморохов — носителей языческой идеологии в древней Руси.

Работа И. И. Ляпушкина «Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам» является весьма интересной сводкой археологического материала, заново переработанного и переосмысленного автором. После подробного критического разбора всей предшествующей литературы вопроса И. И. Ляпушкин приступает к описанию материала, добытого на городищах и в погребениях на Дону и Тамани: Таманского городища — древней столицы Тмутараканского княжества, левогобережного и правогобережного Цымлянских городищ, городища на плато Телсень близ Коктебеля и могильника у Лысой горы. Автор приходит к выводу, что встречающаяся на этих памятниках керамика (горшки с круто отогнутыми венчиками, выступающими плечами, линейным и волнистым орнаментом), которую большинство археологов считает славянской, на самом деле принадлежит салтово-маяцкой культуре, датируемой VIII—X вв. и «резко отличной» от культуры восточного славянства. На основании анализа археологических материалов и письменных источников автор заключает далее, что южнее границ лесостепи до X в. славянских поселений не было. В конце X в., когда хазарский каганат пал под ударами Киевской Руси, начинается славяно-русская колонизация в низовьях Дона и Тамани. Но она не проникает в глубь страны, ограничиваясь немногими важнейшими стратегическими и торговыми пунктами — Таманским городищем, Саркелом (левогобережным Цымлянским), Потайновским и Кобяковским городищами (городище в районе Коктебеля автор относит к салтово-маяцкой культуре и датирует его VIII—X вв.). Но и в этих пунктах массового сельского славянского населения якобы не было, а жили лишь князья со своими приближенными, дружиной, челядью и необходимыми ремесленными и торговыми людьми. Выводы И. И. Ляпушкина неубедительны. Прежде всего, основное его положение о принадлежности керамики с линейным и волнистым орнаментом салтово-маяцкой культуре не исключает возможности наличия здесь и настоящей славянской керамики, которую исследователи (П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский) выделяют обычно не только по орнаменту, но в основном по профилю сосудов и составу глиняного теста (см. выше). Приведенные самим И. И. Ляпушкиным статистические данные показывают, что из 70 случаев находок фрагментов сосудов описываемого типа 29, т. е. более 1/3, найдено в позднем слое городища. Возможно, что эта керамика, как и найденная Барсамовым в Коктебеле, принадлежит русскому поселению X в. И. И. Ляпушкин считает, что для славянских поселений X—XII вв. на Дону характерно наличие лепной керамики, но, как отмечает сам автор, керамика эта встречается в крайне незначительном количестве (например, на Таманском городище всего 49 находок). Вообще приводимая И. И. Ляпушкиным таблица (стр. 208) основана на слишком незначительном количественно материале и не может служить основанием для статистических выводов. Местные племена — носители «салтово-маяцкой» культуры могли участвовать в процессе этногенеза славян. Б. А. Рыбаков в своей работе «Анты и Киевская Русь» вполне убедительно показывает связи антов с Подоньем и Северным Кавказом. Позднейший русский материал, найденный на Дону, в Тамани и в Крыму, говорит нам вполне убедительно о наличии здесь сильной струи славянской культуры и, стало быть, значительного славянского населения. Неудачна также ссылка автора в подтверждение своих положений о слабости славянских элементов в Тмутаракани на состав дружины Мстислава Владимировича и на частую смену князей в Тмутаракани в XI в. Последнее обстоятельство характерно для всей удельной Руси. Что же касается дружины Мстислава, то в ней, конечно, могли участвовать и хазары и касоги (хотя обычно они выступали отдельными отрядами), но знаменитая его фраза: «Кто сему не рад? Се лежит северянин, а се варяг, а своя дружина цела», отнюдь не указывает на иноплеменный состав этой дружины. Князь просто выразил удовлетворение тем, что победа обошлась ему сравнительно дешево, так

как главные потери понесли союзники — племенное ополчение северян, княжеская же дружина — русская или касожская — осталась цела.

М. А. Тиханова в своей работе «Культура западных областей Украины в первые века нашей эры» дает обстоятельную сводку работ по изучению культуры полей погребений и соответствующих им поселений — так называемой липицкой культуры, полей погребений с трупосожжениями и трупположениями I—II вв. н. э. и современных ей селищ — Незвишка, Залесцы, Новоселка Костюкова, Голиграды. В поселениях открыты жилища двух типов — четырехугольные землянки и наземные жилища неправильной формы. В более поздний период, IV—V вв., обряд погребения становится единообразен (трупположение). Для этой стадии характерен могильник Романово село и современные ему поселения — Максимовка, Хрыцовцы, Лепесовка, Тропищево и др. Это уже настоящие деревни со многими жилыми домами. Здесь встречаются и печи для обжига гончарных изделий. Реконструкция «кульеvidного сооружения» из Лепевки (стр. 262—263), однако, не дает возможности определить его как гончарную печь (как делает это автор). Характер перекрытия, отделяющего верхнюю камеру от нижней, говорит против такого определения. Анализируя далее характер культуры, М. А. Тиханова приходит к выводу, что рассматриваемые ею памятники принадлежат сседлому сельскому населению, занимавшемуся земледелием и скотоводством, среди которого уже выделились ремесленники (кузнецы, гончары) и далеко зашла социальная дифференциация (богатые и бедные погребения). «С точки зрения процесса этногонии население западных областей Украины в первые века нашей эры представляло собой ряд локальных групп, среди которых только в III—IV вв. складываются определенные этнические массивы с более единообразной культурной и языковой общностью, оформленные впоследствии как югозападная группа восточнославянских племен» (стр. 271). Сопоставляя эти выводы, сделанные на археологическом материале, с известиями древних авторов, М. А. Тиханова считает возможным связать с рассматриваемой ею территорией племенной союз бастарнов, в который входили костюбоки и бессы (отсюда название «Бессарабия») — старое местное население. Бастарны — это не древнегерманское племя, а выделившаяся из местного населения племенная знати. Переселение народов, особенно германских племен, не могло оказать существенного влияния на культуру и этническое лицо местного населения, так как это не было движение вполне сложившихся племенных образований. В тесной связи с этим вопросом стоит вопрос о вандалах. Приписываемые зарубажными учеными вандалам могильники М. А. Тиханова определяет как погребения местной племенной знати. Рунические надписи не содержат вандалских имен. В заключение работы М. А. Тиханова подчеркивает, что местное население формировалось не изолированно, но в тесной связи со своими соседями и, прежде всего, с населением Дакии. Появление дружин завоевателей не наложило на него существенного отпечатка. В борьбе с варварами-кочевниками славянские племена сплачиваются и объединяются.

Сборник заключается работой Ф. Д. Гуревич «Збручский идол». Описав обстоятельства находки и самую статую, автор дает подробный обзор мнений предыдущих исследователей, одни из которых считали этот памятник славянским кумиром, другие — тюркской «каменной бабой». Рассмотрев детально территорию находки, автор отмечает, что кочевые народы, бывавшие здесь лишь короткое время, вряд ли могли создать такой сложный памятник. Сопоставление идола с рядом находок, безусловно славянских, и сравнение его деталей с куклами славянских божеств (главным образом Святовита в Арконе), а также анализ головного убора и оружия статуи приводят Ф. Д. Гуревич к выводу, что збручский идол — славянское божество IX—X вв. «Загадочность идола, — пишет она, — еще сохраняется. Семантика изображений, выбитых на нем, ждет еще своего исследователя» (стр. 287).

Рецензируемый сборник, содержащий значительный новый археологический материал и важные обобщения, представляет исключительный интерес для археологов, историков и этнографов. Мы изложили его содержание так подробно потому, что книга эта является библиографической редкостью, так как тираж ее не вышел, и в научный оборот поступили только сигнальные экземпляры. Следовало бы перепечатать ее, чтобы широкие круги советских и зарубежных ученых могли ею пользоваться.

М. Рабинович

ДВЕ СТАТЬИ О НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ ЭПОХИ ОСВОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Vilém Pražák, *Lidová píseň o Lidicích*, «Český lid», ročník I, 1946, číslo 2, květen; číslo 3, červen.

Andrej Melicherčík, *Motívy odboja slovenského ľudu v ústnom poľaní*, «Národopisný zborník, Časopis Národopisného Odboru MS, ročník VI—VII (1945—1946), číslo 2—4, Vydáva Matica Slovenská v Turčianskom Sv. Martine.

В настоящей рецензии мы останавливаемся на разборе двух статей о современном чешском и словацком фольклоре. Первая написана известным чешским этнографом проф. Вилемом Пражаком и помещена в двух номерах нового журнала, принявшего